

2. ИСТОЧНИКИ

М.А. Киселев

К ИСТОРИИ НЕФОРМАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ СРЕДИ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ПЕРЕПИСКИ Д.В. ВОЛКОВА 1761–1763 гг.)

История Российского государства Нового времени писалась и пишется как история учреждений. В то же время в последнее время исследователи обращают все больше внимание на неформальные связи как одну из неотъемлемых составляющих государственной власти¹.

Реконструкция неформальных связей в государственном аппарате не относится к числу самых легких задач, в том числе и из-за проблем с источниками. Как отмечал П. Бурдьё, «пытаться осмыслить, что есть государство, значит пытаться со своей стороны думать за государство, применяя к нему мыслительные категории, произведенные и гарантированные государством»². Ему вторил Л. Пэнто: «Интеллектуалы, предрасположенные думать с помощью государства и для государства, изучают объекты, заранее сконструированные государственным здравым смыслом»³. Эти замечания важны как для тех, кто пытается понять современное государство, так и для тех, кто изучает его историю. Государство, точнее, его глашатаи, выступающие от имени этой интеллектуальной фикции, позаботилось о собственной истории с помощью архивов. Его архивы, формируемые его же учреждениями, предрасполагают к изучению официальных институций власти, оставляя за скобками неформальные практики власти.

Впрочем, последние все же находят отображения в архиве государства. Правда, такие отображения имеют специфическую форму, будучи увязаны со сбоями функционирования государственной машины: это материалы различных следствий, содержащие допросы

провинившихся чиновников, показания свидетелей и потерпевших, конфискованные личные бумаги и т.д. Данные документы призваны показать, что неформальные отношения, выходявшие за пределы инструкций, есть лишь аномалии, а не повседневные практики властных отношений, когда список частных корреспондентов персоны, владевшей властью, и не всегда официально, может дать больше для понимания функционирования государственной власти, чем реестр исходящих официальных бумаг того или иного учреждения.

Тем не менее, при правильном направлении поиска и наличии определенной доли исследовательской удачи, сохранившиеся документы позволяют заглянуть за фасад официальной власти и увидеть ее субъективное измерение, когда вместо функции-человека, реализующей инструкцию, можно наблюдать человека власти, реализующего свои интересы и, шире, свое Я.

В настоящей работе, которая распадается на две части, мы планируем обратиться к данной проблематике: проанализировать механизм неформальных отношений правящей элиты Российской империи, тех, кто претендовал на то, чтобы быть государством. Конечно, эта тема не для одной монографии, так что в рамках данной небольшой работы мы обращаемся к деятельности только одного из представителей правящей элиты на довольно небольшом хронологическом отрезке – 1761–1763 гг. Такой выбор во многом связан с состоянием источниковой базы: именно за эти годы неплохо сохранилась личная переписка Д.В. Волкова, занимавшего в указанные годы значимые государственные посты – секретаря Конференции при дворе Е.И.В., тайного секретаря Петра III и члена Императорского совета, оренбургского вице-губернатора, а затем – губернатора. В первой – исследовательской – части работы мы анализируем на основании волковской переписки основные этапы развития неформальных отношений среди правящей элиты: становление, функционирование, разрыв и вновь становление и функционирование. Вторая часть работы – это публикация двух писем Волкова.

Первый этап развития неформальных отношений – это, собственно, их завязывание, когда преодолевалась официальная инструкция,

и возникало личное доверительное общение. В отношении Д.В. Волкова мы это можем проследить на примере следующей предыстории. В Семилетнюю войну в рамках планирования компании 1761 г. Конференция при дворе Е.И.В. «приняла решение развернуть активные действия в Померании и прежде всего против Кольберга... Выполнение этой задачи было возложено на» корпус генерал-поручика гр. П.А. Румянцева⁴. Волков, являвшийся в 1761 г. секретарем Конференции, был одним из сторонников активных действий в отношении Кольберга. Формально он руководил делопроизводством данного органа власти, реально же являлся одним из творцов решений Конференции⁵. Однако главнокомандующий российской армией в Германии фельдмаршал гр. А.Б. Бутурлин, «не желая рисковать, предпочитал пассивный образ действий и поэтому поддержки Румянцеву почти не оказывал»⁶. Бутурлин, будучи назначенным на свою должность императрицей, имел все официальные возможности отстаивать свою позицию. В результате возникал своеобразный конфликт интересов, который мог помешать реализации планов Конференции по взятию Кольберга и который было проблемно решить с помощью официальных бумаг.

Заинтересованность в реализации данных планов подвигла Д.В. Волкова к тому, чтобы не ограничиваться составлением официальных бумаг, а напрямую обратиться к П.А. Румянцеву. В нашем распоряжении имеется письмо, уцелевшее в румянцевском архиве. В этом письме от 11 июля 1761 г. Волков писал Румянцеву: «Осмеливаюсь я представить вашему сиятельству, что, буде милостивая ваша доверенность ко мне неотъемлема, то от вас же зависит подать мне способ заслужить оную. Часто случится вам могут такие обстоятельства, кои в доношениях неудобно объяснены быть могут, или предусмотритися нечто такое, на что запасная для передо резолюция потребно. Ежели вашему сиятельству угодно мне ваши соизволения открыть, я все силы употребил бы облегчить вам исполнение о них». Более того, Волков сообщал, что в столице «не одно здесь то в намерении, что б Кольберг взять, хотя и тем безвременяно мы не спешим, но намерение есть, чтоб ваше сиятельство корпусом вашим и болшую себе и оружию славу приобрели». Подвигая на активные действия Румянцева, Волков продолжал: «Здесьния указы не смеют вас связывать. Пространно со-

ставляются здесь, а инако поелико токмо состояние дел мы себе вообразать можем. А еще меньше надобно ожидать толко здешних указов, или, имея оныя, не делать уже никаких представлений, ничто здесь не получается с болшею приятностию, как представление о лутчих и сильных операциях, естли есть еще к получению указов время»⁷. За фасадом официальных отношений Волков предлагал Румянцеву выстроить личные неформальные контакты, которые бы способствовали достижению их общей цели: взятию Кольберга. Личные доверительные отношения должны были способствовать более эффективным действиям, для которых от генерала требовалось посвящать Волкова в свои планы, а от Волкова – способствовать быстрому принятию соответствующих официальных решений. Таким образом, возникал взаимовыгодный обмен, который создавал хорошую базу для прочных отношений.

Отметим, что Д.В. Волков в этом письме затронул и свои семейные дела: его младший брат Ануфрий, подполковник Киевского полка, находился под командой Румянцева. В связи с этим он просил для брата «о дозволении ему такой милости, которая бы не щастие его теперь поспешествовала, но помогала бы ему быть человеком и добрым афицером»⁸. Следует отметить, что и до этого письма Румянцев неплохо относился к брату Д.В. Волкова. Например, в письме от 12 июля 1761 г. Ануфрий Волков сообщал «братцу Дмитрию Василевичу», что «миластию» Румянцева он был «весма пажалаван»⁹.

Как можно сделать вывод из следующего письма Д.В. Волкова, П.А. Румянцев вполне благожелательно отнесся к предложениям и просьбам Волкова. В этом небольшом письме от 21 сентября 1761 г. Волков уже писал Румянцеву, что «вскоре пришетца к вам резолюция о столовых денгах, и тогда пространнее писать стану»¹⁰. Такое благожелательное отношение сказалось и на отношении к Ануфрию Волкову. Так, 5 сентября 1761 г. Румянцев направил победную реляцию императрице в Петербург. В конце этого документа он сообщал: «Я сию ... реляцию ... подношу с подполковником Волковым, которой как в деле 24 отлично, так и по сие продолжающееся время, с баталионом гранодер самоважнейшие и опаснейшие посты содержав, заслуживает вашего императорского величества благоволение и о под-

робностях донести в состоянии»¹¹. Таким образом, отношения установились и перешли на новый этап – это, собственно, повседневное функционирование неформальных связей, когда отправка официальных бумаг параллельно сопровождалась частной корреспонденцией.

В результате функционирования таких связей П.А. Румянцев получал дополнительную поддержку для реализации своих военных планов. В свою очередь это не могло не сказаться на положении главнокомандующего фельдмаршала А.Б. Бутурлина, оказавшегося в тени фактически независимого от него Румянцева. В письме от 30 сентября 1761 г. Бутурлин с обидой писал фавориту императрицы Елизаветы Петровны И.И. Шувалову: «По милости конференции давно бы меня на свете не было. Сперва не только величали меня и ублажали паче мер моих, а ныне живаго во гроб вселяют и поют: Святый Боже!» Фельдмаршал также пытался прибегнуть к неформальным связям и получить поддержку фаворита, чтобы улучшить свое пошатнувшееся положение: «Вступитесь за вернаго раба Ея Величества: ныне еще получил еще к обиде моей, чтоб и Акчюринова отдал графу Румянцеву, кой у меня один и есть, и все секретныя дела на него положены, а я остался один писарем и копиистом. Я не чаял бы такой жестокой обиды от его высокородия Волкова»¹².

Однако просьбы А.Б. Бутурлина не возымели особого эффекта, и он не мог помешать растущему влиянию П.А. Румянцева. К тому времени сам И.И. Шувалов был склонен поддерживать Румянцева, находясь в том числе в переписке с последним самое меньшее с 1759 г.¹³ В письме от 15 мая 1761 г. Румянцев именовал Шувалова «маим истинным милостивцем и протектором», выражая надежду, что он будет «во всех случаях, а особливо в тех, кои не от моего решения зависят, а в том и самолутчее мое расположение силы своей иметь не может милостиво меня охранять»¹⁴. Сам Шувалов в собственноручном письме от 11 июля 1761 г., т.е. написанном одновременно с письмом Д.В. Волкова от этого же числа, сообщал генералу, что «вследствие Вашего сиятельства Конференции предложения мне сказано, что все согласно с вашим мнением зделано», и далее присовокуплял: «Все мои возможности употреблять рад, Ваше сиятельство, мне честь и радость всегда зделаете, когда меня за способнаго в вашем приказать

признать изволите»¹⁵. Уже 17 сентября того же года Шувалов сообщал Румянцеву, что получил его письмо, отправленное с «подполковником Волковым», т.е. с братом Д.В. Волкова. Далее Шувалов высказывал сожаления Румянцеву, что «самая невозможность не допускает Вас исполнить то, что обстоятельства к общей ползе желать заставляют». В связи с этим он сообщал, что «я вследствие Вашего письма говорил некоторым министрам, представив им все ощутительные препятствия, в чем оне и сами согласны». Следовательно, проведенные Шуваловым неформальные переговоры с членами Конференции были успешны, в связи с чем в конце письма Шувалов прибавлял: «Я чаю, Ваше сиятельство, с нынешним случаем довольно наставление к облегчению вашему получить изволите»¹⁶. Таким образом, в 1761 г. сложился неформальный альянс Румянцев – Шувалов – Волков, противостоять которому был бессилён А.Б. Бутурлин.

Ставка Д.В. Волкова и И.И. Шувалова на П.А. Румянцева оказалась верной: 5 декабря 1761 г. гарнизон Кольберга капитулировал. Восшествие на престол Петра III также не повредило карьере Румянцева: 9 февраля 1762 г. он был пожалован новым императором в генералы от инфантерии¹⁷. Учитывая, что Волков стал одной из самых влиятельных персон при Петре III, Румянцев поддерживал личные контакты с первым. Например, он следующим образом завершал свое письмо Волкову от 2 мая 1762 г.: «До меня что партикулярно принадлежит, я должен себя утешать, что вы о моей к вам преданности и искреннем почтении уверены»¹⁸. Также 2 июня того же года, т.е. менее чем за месяц до свержения Петра III, другое румянцевское письмо открывалось самыми теплыми заверениями в дружбе: «Правда, что мое смущение немало было и на время большое, что я от Вас, моего вселюбезного друга, не получал никакова ответа. Я уже отчаял вовсе быть для меня делу каковому-либо. Ныне же, получа всеприятнейшее Ваше письмо о обнадеживанием Вашей дружеской милости продолжения и подтверждением мне наилюбезнейшей милости и благоволения, я столь болше обрадован. Вы знаете, что всякой ремесленник работе рад. Дай Боже токмо, чтобы все обстоятельства соответствовали моему желанию и усердию, то не сомневаюсь, что я всевысочайшую волю моего великого Государя исполню»¹⁹. Были ли искренними

такие заверения? Едва ли. Однако, они выполняли важную функцию поддержания неформальных связей, гарантировавших дополнительную поддержку при принятии решений.

Следует отметить, что П.А. Румянцев был не единственным генералом, с кем у конференц-секретаря Волкова были налажены неформальные связи. Об этом свидетельствуют сохранившиеся письма к Волкову от генерал-поручика кн. М.Н. Волконского. Последний начинал следующие слова свое письмо к Волкову от 7 декабря 1761 г. «Ваше ... письмо я получил с совершенным удовольствием и из оного радостно усмотрел, что Вы меня в прежней вашей благосклонности содержите»²⁰. Содержание же письма было своеобразным комментарием к официальным бумагам, которые Волконский направил в Конференцию. Генерал завершал письмо следующими словами: «Вот, государь мой, что я думаю. Ежели Вы за благо разсудите милостивцу моему Ивану Ивановичу сие показать, и он опробоват изволит, чтоб я о сем в реляци моей данес, то буду ожидать от вас уведомления, токмо прошу, как наискарее о судьбе моего корпуса резолюци»²¹. Как и в случае с Румянцевым, официальные бумаги сопровождались личными посланиями, что должно было оказывать положительное влияние как на содержание решений по делам Волконского, так и на скорость их принятия. Показательно, что Волконский не только вел переписку с Шуваловым, но и просил Волкова лично похлопотать перед Шуваловым, что указывало на неформальные взаимоотношения между Волковым и Шуваловым. Таким образом, перед нами проступает часть одной из сетей неформальных отношений, пронизывавших правящую элиту. Такие сети, находясь за фасадом официальной документации, оказывали самое непосредственное влияние на правительственную политику. Следует отметить, что обнаружение таких сетей, а также определение их влияния на действия акторов оказывается непростым делом. В мемуарах нередки зоны умолчания и забвения, точность донесений иностранных послов зависела от осведомленности их информаторов, которые могли не знать или не сообщать о многих нюансах. В итоге одним из основных и достоверных источников, позволяющих обнаружить функционирование таких сетей, оказывается именно личная переписка. Впрочем, не следует забывать и о том,

что историки не всегда задаются целью реконструировать такие сети, нередко довольствуясь информацией, которую предоставляют официальные бумаги²².

Дворцовый переворот 1762 г., в результате которого Петр III был смещен, а на престол взошла Екатерина II, обернулся катастрофой для Д.В. Волкова. Любимец бывшего императора потерял как свои официальные должности, так и неформальные связи. Личные отношения во власти имели смысл только при определенном обмене выгодами. Однако после свержения Петра III Волкову практически нечего было предложить. Он оказался под арестом, так что под вопросом оказалась не просто его карьера, но и свобода.

Оказавшись в таком положении, Д.В. Волков решил также прибегнуть к институту неформальных связей. 10 июля 1762 г. он написал довольно пространное письмо к фавориту новой императрицы Г.Г. Орлову, где описал свою государственную деятельность в царствование Петра III. Единственное, что мог предложить Волков – это свою откровенность, а также нейтральность по отношению к новому монарху. В конце письма он заключал: «Вот краткая моя, последних месяцев, история. Она мне тем не нравится, что в ней много невероятного, но правду для того ломать не можно, чтобы она больше сама на себя походила. Я такую писал истинну, которую всегда доказать могу». Он стремился доказать, что действовал исключительно в интересах государства, а не государя. Так, в постскрипуме письма он упоминал, что «догадывались многие не без основания, что доберуся я помаленьку и до прочих народных и государственных расхитителей». Одновременно он подчеркивал свою отстраненность от борьбы за власть: «Не надобно токмо спрашивать у меня о делах придворных и комнатных. Я их никогда не знавал и замешан в них не был, и верно не бывало еще для придворной карты такую несведущаго иностранца, несмотря на то, что я неотлучно при дворе был»²³.

Конечно, такие заверения были рассчитаны не только на Г.Г. Орлова, но и на императрицу, ставшей новым обладателем и распорядителем государственного интереса. С помощью обращения к государственному интересу он лишал свою деятельность при Петре III окраски личной преданности и службы государю. Отметим, что та-

кая нейтральность во имя общего блага и государственного интереса представлялась Д.В. Волковым как важная, неотделимая часть его Я. Не будучи по рождению дворянином, он едва ли мог апеллировать к сословной чести или правам. Его неблагородное происхождение не было секретом. В связи с этим можно привести язвительную характеристику Волкова, данную ему в анонимном рукописном памфлете начала 1760-х гг.: «Сказать, что он смердий сын, да жаль отца его, хотя не из дворян, а был ражей человек. В протчем по естеству сочинитель плутишка и пакосник, по житью бытью мотишка и зернщик, по делам вертопрах; родился и вырос в Москве да в Питере, никогда своего домоводства не имел и охоты у него к тому не бывало, о хлебе ж не ведает он кроме того, что на земле хлеб растет, а прослыл умницей и доброписцом за дикой склад, которой приемлется наулутчим слогом и почитается выше самого дела»²⁴. Автор данной характеристики, не смотря на всю желчность, очень четко подметил социальные особенности жизни Волкова: он не был дворянином, не знал вкуса помещичьей жизни с ее «домоводством», вырос в столице, а его главным достоянием было искусство составления деловых бумаг, т.е. навык профессионального бюрократа. Более того, как показывают письма, на личном уровне Волков, изображая себя человеком государства, демонстрировал приверженность этосу, который можно будет назвать бюрократическим, и намечал возможные пути (об)основания строительства будущего бюрократического государства.

Волковские заверения возымели определенный эффект. 23 июля 1762 г. Д.В. Волкову были отданы некоторые пожитки, которые, скорее всего, были изъяты у него во время ареста: «Три сундука, а имянно один зеленой, в котором камердинерское платье, другой шкатулка с посудой, третий с людским бельем»²⁵. 27 июля 1762 г. Екатерина сделала следующее предписание: «Дмитрию Волкову быть в Оренбургской губернии вице-губернатором»²⁶. В этом назначении было своеобразное проявление иронии со стороны императрицы. Еще 5 апреля 1759 г. товарищем, т.е. заместителем губернатора в Оренбург указом императрицы Елизаветы Петровны в почетную ссылку был отправлен бывший герольдмейстер В.Е. Адодуров²⁷. Последний, преподававший когда-то великой княгине Екатерине Алексеевне русский язык, был арестован

в 1758 г. по делу канцелера гр. А.П. Бестужева-Рюмина, которое грозило обернуться будущей императрице серьезными неприятностями. При этом Волков был одной из персон, работавших над следствием по этому делу. В частности, он составлял некоторые вопросы для допроса Бестужева-Рюмина²⁸. Получалось, что в 1762 г. Волков фактически отправлялся на место Адодурова. Правда, если последний был определен «товарищем губернатора», то для Волкова фактически создавалась должность вице-губернатора, ранее не предусмотренная для Оренбургской губернии. Впрочем, для Волкова было главным то, что он оказывался на свободе. Более того, ему позволялось остаться слугой государства, чем он не преминул воспользоваться для построения своей дальнейшей карьеры. Как и в случае с П.А. Румянцевым, он стремился найти твердую почву для выстраивания неформальных отношений с новым контрагентом. Формально это был фаворит императрицы Г.Г. Орлов, реально – главный обладатель государственного интереса, которому Волков мог предложить свои услуги талантливого администратора, то есть сама императрица.

Именно этому и оказалось посвящено публикуемое здесь собственноручное письмо Д.В. Волкова от 23 сентября 1762 г. (документ 1), отправленное из Казани. В нем Волков подверг жесткой критике местную администрацию, а также предложил пути для ее улучшения. Письмо предсказуемо завершалось заверением о трудах на пользу «Государства и общества».

Этот подход оказался действенным. 22 октября 1762 г. Екатерина II в записке своему секретарю А.В. Олсуфьеву дала следующее указание: «К Дмитрию Волкову писать, дабы он репортовал нужных дел, о которых в Сенат пишет; в том же письме требовать от него обстоятельного описанья тамошних дел в разсуждении Киргизов и Башкирцов и о том на мое имя прямо писал»²⁹. Во исполнение этого предписания 23 октября 1762 г. Олсуфьев написал Волкову: «Ея Императорское величество, с неутомленным трудолюбием вникая во все то, что до пользы государственной и всенароднаго благосостояния касаться может, повелеть мне изволила отписать к вам, чтоб о нужных и примечания достойных делах, о которых в репортах и доношениях ваших писать будите в Сенат, вы в то же время писали б прямо и к Ея

величеству». В этом послании Олсуфьев верно определил роль императрицы как обладательницы государственного интереса: именно это было той базой, на которой можно было построить отношения между новым монархом и любимцем старого монарха. Не забыл Олсуфьев и о поручении от имени императрицы прислать «обстоятельное тамошних дел описание в разсуждении Башкирцов и Киргискаго народа»³⁰. Также на основании волковского письма от 23 сентября 1762 г. в кабинете Екатерины II был подготовлен «экстракт», включавший основные замечания и предложения Волкова. Этот «экстракт» 18 ноября 1762 г. был прочитан в Сенате³¹. Таким образом, Волкову удалось привлечь внимание императрицы на себя и свои идеи. Дальнейшее развитие его карьеры показало, что он выбрал верный путь³², и ему надо было начинать работать над построением новых неформальных отношений. Одним из таких своеобразных «кирпичиков», использовавшихся для такого строительства, было его собственноручное письмо к статс-секретарю императрицы Г.Н. Теплову, написанное 22 августа 1763 г. в Оренбурге (документ 2).

Приведенный материал демонстрирует, что личные неформальные отношения были нормальной, естественной практикой на уровне правящей элиты Российской империи XVIII в. В реальности государственных властных практик официальное отправление дел могло параллельно сопровождаться личными контактами, которые оказывали немаловажное влияние в функционирование власти. При этом если формуляр официальных бумаг предполагал обезличивание, то завязывание и функционирование личных связей располагали к презентацию своего Я. Конечно, едва ли можно было ожидать, что эта презентация была произвольной и отсылавшей к некому чистому, незамутненному Я. Скорее, участники неформальных отношений презентовали себя с учетом ожиданий своих партнеров по коммуникации. Впрочем, следует не забывать тот факт, что человек – это существо социальное, существующее в общении, и в каждом случае презентации своего Я существует тот или иной коммуникативный контекст, который оказывает непосредственное влияние на формы и содержание такой презентации.

**Документ 1. Письмо оренбургского вице-губернатора
Д.В. Волкова Г.Г. Орлову¹⁾. Казань, 23 сентября 1762 г.²⁾**

Милостивой Государь!

Принимая смелость писать к вашему превосходительству, преступаю я вдруг две заповеди, кои сам себе наложил: первая – не утруждать ничем моих милостивцов и благодетелей, а вторая – стараться, чтоб хотя некоторая часть из великаго числа наделанных мною неприятелей меня забыла, а не вновь умножать их множество.

Но нижеследующия обстоятельства почел я³⁾ и вашего превосходительства сведения⁴⁾,³³ достойными и для моего слабого понятия столь важными, что за велико не поставлю, есть ли чрез то и умножится число моих неприятелей.

Когда покойным императором по примеру бесполезной или и вредной воинской комиссии учреждена была комиссия и для флота и адмиралтейства, из четырех флагманов состоящая³⁴⁾, тогда старался я тщеславное намерение казаться всего обновителем и восстановителем соединить сколько можно с существительною пользою. В следствие того между другими сей комиссии данными предписаниями спрашивал я в инструкции имянно: прилагается ли о размножении для переду карабельных лесов такое попечение, какого Государственная нужда требует, и берегаются ли остальные из старых, также не претерпевают ли напраснаго раззорения приписныя х Казанскому адмиралтейству иноверцы³⁵⁾, и в тех ли толко местах определены валдмейстеры, где они необходимо надобны, или для помещения проворных людей число их в других местах размножено. Но как времени мне не достало самому в той комиссии присудствовать, хотя от императора и было приказание, так как приказывал он мне и все Государственныя правительства присудствием моим посещать, и чего мне так же делать не случилось, то поданныя от оной комиссии рапорты и доклады мало соответствовали моим видам, и я на первой случай тем удовольствовался, что из тех рапортов увидел, якобы в Казанской губернии для будущаго на карабли запасу не помню сколько миллионов молодых дубков вновь подчищено и посажено.

Ныне подъезжая к пределам Казанской губернии и вспомяв вышеизображенное обстоятельство, не чаял я, что рапорты, Государям

подаваемые, могут быть не на прямой истине основаны, и по тому утешался, что по берегам реки Волги и других, в оную впадающих, увижу прекрасныя молодыя дубовыя рощи, и по разному их возрасту яственно разбирать стану, в которой год прилагаемо было болше труда и старания для будущей Государства ползы и безопасности.

Но пожалейте – Милостивой Государь! – о моей ошибке. Всего того нет не толко в натуре, но ниже в мысли у тех людей, кои к тому приставлены, чинами награждаются и в жалованье получают поты многих тысяч полезных Государству жителей.

Я смею обнадежить ваше превосходительство и под заклад даю мою голову, что вместо вышепомянутых миллионов не найдется и несколких сот дерев вновь посаженных дубков, а буде где ни есть посажено их несколко десятков, то и в том, жизнью ручаюсь, что зделано сие разве на кого по злобе, чтоб отнять у него хорошую лужайку. Собою расущих дубков можно подлинно подчистить несколко миллионов в один год, потому что их очень много и расстояние мест невелико, а приставлено к тому людей одних жалованных восемь сот, да приписных крестьян тысяч семдесят, но я еще ручаюсь и всегда своею жизнью, что неподчищено более как толко у сидящих на самой болшой дороге дубьев, те сучья обрублены, кои господам смотрителям мешали в каляске и верхом ездить. А затем ни в которую с дороги сторону пешей человек двух сажений пройти не может. Молодой, но частой дуб тотчас снизу пушает сучья и так растет в негодныя кривули, а между чею чащью растущей в невероятном множестве орешник, малинник и другой кустарник отнимает и последнюю у дуба пищу и силу. Я невеликой испытатель естества, однако ж по дороге приметил, что почти ни одного болшова и хорошева дерева в великой чаще не было, а котораго величиною или прямизною я любовался, то конечно особнечком сидело. Толко ж к сожалению прибавить надобно, что сей собою растущей лес неблизко к рекам лежит, но где случилось, а на плодоносных и тою же жирною землею покрытых берегах совсем ничего не видно.

Понеже я не все видеть мог, то спрашивал я у воевод и других земских и губернских правителей, нарочно к ним приласкавшись, в которых местах вновь заведенныя рощи и подчищенныя леса, но все

как над дураком смеялись моей простоте, что я вздумал и в самом деле того же видеть, о чем другия и на словах слышать не заботятся.

К чему употребляются назначенныя к сему важному Государственному делу люди, о том я не знаю, ибо великое мое любопытство и неумение скрывать мою ненависть к пасынкам отечества не всем кажется угодили. Однако ж то подлинно, что еще не наезжал я толь бедных крестьян, как Государевых в самой лучшей Казанской губернии. Они бедныя без дозволения господ лесных смотрителей не смеют содержать одного поросенка; резон важной, чтоб они дубовых жолудей не жрали, но еще ни одного жолудя посеяно не бывало.

Во всяком городе свое упражнение. Москва красуется монаршим Ея императорского величества присутствием и обрадованныя жители, торжествуя, освященное свыше увенчание Ея величества усердныя возславляют к Богу молитвы о вседражайшем и долголетном здравии Его помазанницы. Казань во ожидании получить утешительное у том уведомление и совокупить восклицания свои с восклицаниями всего Государства, упражнена между тем бесполезными разсуждениями и сожалениями о том, что приписанныя к заводам, помнится мне, графа Андрея Петровича Государственныя крестьяня непрестанно бунтуют, что не остается болше команд послать для их усмирения, что много подлинно сих несчастных, ко стыду и безчестию Государства бунтовщиками названных, побито, перестрелено, невольными ворами и разбойниками наделано и в лесах хищным зверям и птицам на пищу лежит, но что однако ж, по словам здешних господ земских правителей, не предвидится еще возможности искоренить таковых всех злодеев, а по моему слабому мнению, что не было еще прямого приложено старания отвратить или предупредить толь великое Государственное зло³⁶.

Не верю я, но мне здесь рассказывали, якобы есть заводы, х коим приписанныя Государственныя крестьяня, люди, до того в неге и довольствии жившия, гоняются как Украинская животина верст по семисот и до тысячи на заводскую работу, да будто есть и такое обстоятельство, что не всегда целыя деревни к заводу приписывали, но из благоразумной для передо осторожности по несколку дворов из деревни в то число брано, которое к заводу растянутым изтолкованием указов определялося, и будто из того произошло, что Господа заводчики,

немного и заботятся о пропадающих у них людях, потому что они убылое число всегда и поныне наполняют, как из запаснаго закроме теми, кои остались в тех деревнях за приписанием.

Я уверен, что подобныя сему злоупотреблению не останутся ныне надолго без поправления. Было подлинно приложено и мое о том старание, но в толь краткое время не мог еще я более, как только собрать некоторыя о том сведения, а из них видеть ко умножению моих при- скорбей, что с того времени, как казенныя заводы по рукам разобраны, казна потеряла больше двух миллионов, да сверх того в комисариате за полмиллиона недобору зделалось от того, что когда заводы были в казенном содержании, тогда за приисанных к оным крестьян Берг-коллегия не жалела платить подушныя денги, потому что крестьяня их зарабатывали, а Берг-коллегия их на железе и меди выручала, и ставила заедино, в той или другой казне Государевых больше денег будет. Ныне ж напротиву того, хотя приписанныя к заводам крестьяня подушныя свои денги и вдвое заводчикам зарабатывают, и заводчики конечно с болшим прибытком выручают их, нежели Берг-коллегия, но разница в том состоит, что господа заводчики не всегда за едино поставляют в их ли шкатуле или в Государственной казне те денги лежать будут.

Теперь приближаюсь я к границам той губернии, куда по высочайшему Ея императорскаго величества соизволению определен вице-губернатором, но тронут и поражен сим в краткой проезды дошедшими до меня о состоянии дел в других Губерниях сведениями, права куражу не имело спрашивать по дороге, нет ли подобных приключений и в сей Губернии, и потому ползуясь данным от Ея императорскаго величества всемилостивейшим мне на полгода увольнением, заеду теперь препроводить сие время на Сибирских Господина Демидова заводах, дабы или исподволь забыть такия обстоятелства, кои, несмотря на мое усердие, отвращают меня от всякаго земскаго правителства, или уже и больше тамо наслышавшись, зделается наконец не столь чувствительным.

В протчем не прилично и крайне продерзостно для меня присо- вокупить здесь какия-либо слабейшия мнения, но понеже ведаю я, х кому пишу, то не скрою я Вашему превосходителству, что естли б по отдаленным провинциям послан был человек моего усердия, но с болшим знанием и талантами, а при том монаршею доверенностью

и некоторым уполномочиен снабденного, то надобно бы из того произрасти знатной ползе Отечеству. Узаконение Великаго Петра объезжать сенаторам провинции никогда лучше исполнено быть не может, как ныне³⁷. В наполняемом числе сенаторов статся нельзя, чтоб не нашлось и охотнаго и способнаго самим делом показать сию Государству услугу. Недаром говорю я – Милостивой Государь! – самим делом, не попрекая никою, но судя человеческия слабости по себе, коим я болше всех подвержен, дрожу и тут, что с переменою мест и воздуха могли и мысли переменится, что вместо ползы и облегчения провинциям, крестьяня будут стонать от превеликаго числа подвод, кои для сего Государственного инспектора будут надобны, и коих всегда за неделю до свету выгонять станут, что выбираемая или посылаемая особа похочет толко показать свою власть и силу, а что до ползы Государственной принадлежит, то он сочтет за Государственную те услуги, кои своей фамилии и любимцам по дороге зделает, не заботясь о том, согласно или нет с правосудием, что наберет он с собою для тщеславия болше, нежели нужды премножество секретарей и подьячих. А сии люди, соглася безкорыстия свои виды с простомердечными начальника своего намерениями толко неокончаемых дел затеют, что наконец мирныя отдаленных мест жители еще худшее о правосудии такого места получают мнение, нежели те, кои искусилися.

Простите, Милостивой Государь, мою смелость. Я не умею инако признавать Ваши ко мне благодеяния, как самую искренностью и поспешествуя, буде мне можно, известное Ваше к службе Ея императорского величества и к ползе Государства усердие и не знаю, чем лутче доказать мое истинное высокопочитание и преданность, с коими навсегда пребуду.

Вашего превосходительства,
покорнейший и одолженный
слуга Дмитрий Волков
В Казане,
Сентября 23 дня 1762

P.S. Смею ли, – Милостивой Государь! – присовокупить мое усердие вашему превосходительству поздравление с благополучным совершением всерадостной коронации Ея императорского величества и просить, да соизволите при удобном случае подвергнуть меня к освященным Ея стопам. Мои желания те, кои возсылают все верныя Ея

подданныя с тою радостию, что ведаю я многих более, что неоцененное Ея величества здравие есть единой покров и защита целости и славе подверженнаго Ея скипетру полусвета.

Не подумайте еще, – Милостивой Государь! – чтоб советуя посылку сенатора, я в то ж время и отклонял оную, представляя, что может из того произойти вреднаго, а еще меньше, что б я лукавым образом сию комиссию себе вымаливал. Я истинно и недостойнство и неспособность свою знаю и столко лукавить не могу, но я тем хотел толко показать, колико нужно не ошибится в сем выборе. То подлинно, что ежели выбор будет удачлив, я готов итти в последняя кописты, дабы тут же отправлять и свидетелем быть производимой из того Отечеству ползы.

Соизволите ли Ваше превосходительство и какое из сего сделать употребление, то состоит в единственном Вашем благоизобретении, а я единое толко присовокуплю, что есть ли б с высочайшей Ея императорскаго величества воли разсуждаемо было и отдать сие письмо кому-либо на разсмотрение, я и на то согласен, хотя б то стоило мне усотерить число моих ненавистников. Мне из сего писма два пассажа во зло истолкованы быть могут, первое – для чего не ко всем сенаторам равное я имею почтение и доверенность, так что от инаго и зла опасаяся, а второе – что я тщеславолюсь минувшим моим состоянием и делами. Но как возможно и требовать, чтоб великое число людей все равнаго были достоинства, а второе упомянул я толко для показания, коли мало тщеславился я в то время, когда тщеславится мог, и что без сей помянуть не почитал я однако ж превыше себя трудится о ползе Государства и общества.

РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 840. Л. 9–13 об. Подлинник. Рукопись. Автограф.

¹⁾ Заголовок публикатора.

²⁾ Место и дата приводятся по документу.

³⁾ Текст Но нижеследующия обстоятелства почел я *подчеркнут*.

⁴⁾ Текст, начиная со слов *сведения достойными* и заканчивая словами *нет ли подобных приключеней и в сей Губернии*, *подчеркнут*.

**Документ 2. Письмо оренбургского губернатора Д.В. Волкова
Г.Н. Теплому¹⁾. Оренбург, 22 августа 1763 г.²⁾**

Милостивой Государь мой Григорей Николаевич!

Благосклоннейшее Вашего превосходительства писанная и поданная мне оным уверением о вашей ко мне дружбе и милости обязывают меня к чувствительной благодарности. Я верно никогда не забывал и всех прежних ко мне Вашего превосходительства благодеей, и как жребий мне никогда столко не щастливил, чтоб я мог взаимно Вашему превосходительству мои услуги оказать, то натурално возрастало током мое к Вам признание. Сочинением всемилостивейшаго ко мне от Ея императорского величества указы³⁵ поставили вы верх вашим ко мне одолжениям, а подкреплением сегодня с курьером отправленных от меня нижайших представлений, кои без сумнения до рук вашего превосходительства дайдут, зделаете щастие мое совершенным, которое я в том поставляю, чтоб ревностную службу мог продолжать с существенною ползою и не опасаясь ошибки. Более сего не желаю я ничего так, как уверить Ваше превосходительство о истинном высокопочитании и преданности, с какими на всегда пребуду.

Вашего превосходительства,
покорнейший и одолженный слуга Дмитрий Волков.
В Оренбурге августа 22 дня 1763 г.

РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 992. Ч. 2. Л. 70. Подлинник. Рукопись. Автограф.

¹⁾ Заголовок публикатора.

²⁾ Место и дата приводятся по документу.

Примечания и комментарии

¹ См., например: Шаттенберг С. Культура коррупции, или К истории российских чиновников // Неприкосновенный запас. 2005. № 4. С. 29–35; Joukovskaia-Lecerf A. Hiérarchie et patronage: Les relations de travail dans l'administration russe au XVIIIe siècle // Cahiers du monde russe. 2006. Vol. 47/3. P. 551–580; Лазарев Я.А. «К вапей ясновельможности охочий слуга»: к вопросу о функционировании неформальных связей в российско-украинских отношениях в 20-е – первой половине 30-х гг. XVIII в. // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М., 2013. С. 408–432; и др.

² Бурдые П. Социология социального пространства. М.; СПб., 2005. С. 220.

- ³ Пэнто Л. Государство и социальные науки // Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе. М., 2005. С. 76.
- ⁴ Фортунагов П.К. Введение // П.А. Румянцев. Т. I. 1756–1763. М., 1953. С. XII.
- ⁵ См.: Киселев М.А. Казус Д.В. Волкова: «Подьячие» на вершинах власти в Российской империи XVIII в. // Уральский исторический вестник. 2012. № 3(36). С. 45.
- ⁶ Фортунагов П.К. Указ. соч. С. XIII.
- ⁷ НИОР РГБ. Ф. 255. Оп. 2. Д. 42. Л. 2–2 об. Благодарю С.В. Соколова за указание на это дело.
- ⁸ Там же. Л. 3. Ануфрий Волков, премьер-майор Троицкого полка, в марте 1759 г. за участие в Цорндорфском сражении был произведен в подполковники (см.: Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. II: Поход графа Фермора в Восточные области Пруссии (1757–1759 гг.). М., 1888. С. 223).
- ⁹ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 832. Л. 79.
- ¹⁰ НИОР РГБ. Ф. 255. Оп. 2. Д. 42. Л. 1.
- ¹¹ П.А. Румянцев. Т. I. С. 456.
- ¹² Сборник Русского исторического общества. Т. 9. СПб., 1872. С. 509–510.
- ¹³ Любопытно отметить, что в этом письме П.А. Румянцев при характеристике австрийской армии использовал понятие «реформа» в значении изменения, ведущего к улучшению: «Что до армии цесарской принадлежит, то она сколь велика, столь опрятно и изрядно вооружена и обучена, и люди все весьма хорошева росту. Кавалерия особливо бриллирует в уборе и доброте лошадей... Всякая вещь зделана не только крепко, но и с украшением разным гарусным, голунами, имперскими гербами, вооружение же з обмундированием их кавалерии и маневры не самолутчие, всколь мне удалось слышать, то оне стараются в последнем сем зделать реформу» (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 6050. Л. 6). Это является дополнительным подтверждением того, что понятие «реформа» начинает входить в российский политический лексикон еще в XVIII в. (см. об этом: Киселев М.А. К истории дискурса реформ в России раннего Нового времени // Российская история. 2014. № 4. С. 24, 28).
- ¹⁴ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 6050. Л. 36 об.
- ¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 255. К. 4. Д. 11. Л. 5.
- ¹⁶ Там же. Л. 4.
- ¹⁷ Фельдмаршал Румянцев: сб. документов и материалов. М., 1947. С. 19.
- ¹⁸ П.А. Румянцев. Т. I. С. 611.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 263. Л. 1.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 834. Л. 1.
- ²¹ Там же. Л. 6 об.
- ²² Уместно будет указать на монографию М.Ю. Анисимова, посвященную российской дипломатии в годы Семилетней войны. На страницах этой книги, автор которой обращается прежде всего к официальному делопроизводству Коллегии иностранных дел, роль И.И. Шувалова во внешней политике выглядит менее значительной, чем на страницах работ авторов, более активно использовавших донесения дипломатов (см.: Анисимов М.Ю. Семилетняя война и российская дипломатия в 1756–1763 гг. М., 2014; Липштетан Ф.Д. Елизавета Петровна. Императрица, не похожая на других.

М., 2012; Нивьер А. Иван Шувалов: поборник французской культуры и инициатор заключения русско-французского союза // Россия в XVIII столетии. Вып. 4. М., 2013; Черкасов П.П. Двуглавый орел и Королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII веке, 1700–1775. М., 1995).

²³ Дмитрий Васильевич Волков. Материалы к его биографии. 1718–1785 // Русская старина. 1874. Т. XI. № 11. С. 486.

²⁴ ОР РНБ. ОСПК. Ф. II. 69. Л. 13 об.–14. Показательно, что в 1873 г. С.А. Рудакова сообщала со слов своей тетки, родной внучки Д.А. Волкова, что «Дмитрий Васильевич Волков был не простаго звания человек и не безвестнаго рода; он был сын ... столбоваго дворянина, древняго рода, помещика Московской губернии» (Дмитрий Васильевич Волков. 1718–1784 // Русская старина 1874. Т. IX. № 1. С. 168–169). Однако именно Д.В. Волков выслужил потомственное дворянство, в результате чего его потомки, начиная с детей, стали дворянами. Таким образом, одворянившиеся потомки Волкова создавали (непреднамеренно?) свою родовую мифологию о благородном происхождении основателя дворянского рода.

²⁵ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 992. Ч. 2. Л. 34.

²⁶ Сенатский архив. Т. XI. СПб., 1904. С. 208. В.Н. Витевский, комментируя факт назначения Д.В. Волкова в Оренбург, писал: «Когда на место А.Р. Давыдова назначен был губернатором в Оренбург Дмитрий Васильевич Волков, бывший тайным секретарем у Петра III, Императрица приказала ему отправиться к Неплюеву, вручив собственноручное письмо» (Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. III. Казань, 1897. С. 929–930). Это очевидная ошибка, так как письмо, на которое ссылался Витевский, было датировано 6 декабря 1764 г., т.е. временем, к которому Волков был уже отзван из Оренбурга и занимал должность президента Мануфактур–коллегии. Таким образом, консультация Неплюева предназначалась не Волкову, а кн. А.А. Путятину, который стал волковским преемником на посту оренбургского губернатора.

²⁷ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 390. Л. 1–1 об.

²⁸ См.: Бильбасов В.А. Первые политические письма Екатерины II. СПб., 1887.

²⁹ Письма Екатерины II-й к А.В. Олсуфьеву. 1762–1763 // Русский архив. 1863. № 2. Стб. 87.

³⁰ РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 477. Л. 1–1 об.

³¹ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 840. Л. 14.

³² См.: Стенник Ю.В. Волков Дмитрий Васильевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1 (А–И). Л., 1988. С. 169–170.

³³ Подчеркивание отмеченных фрагментов письма было осуществлено, скорее всего, после того, как письмо дошло до своего адресата – Г.Г. Орлова, а затем было передано им Екатерине II. Как можно сделать вывод из имеющихся материалов, подчеркнутые фрагменты письма по указу Екатерины были переписаны. Полученный в итоге такой операции «Экстракт из письма» был затем прочтен в Сенате 7 ноября 1762 г. (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 840. Л. 14–17 об.). Скорее всего, именно в результате волковского письма в Казанскую губернию был отправлен специальный чиновник. Как отмечал В.Д. Димитриев, «Екатерина II предложила Сенату послать в Казанскую губернию "надежную персону" "для освидетельствования всех тех непорядков и запущения

толь важного для государства дела", а о результатах донести ей. В качестве "надежной персоны" был выделен вице-президент штатс-конторы Швевс, который по какой-то причине отказался от поручения. Сенат 28 февраля 1763 г. назначил вместо Швевса подполковника Александра Ивановича Свечина» (Димитриев В.Д. Указ. соч. С. 386). В результате своей деятельности А.И. Свечин вскрыл многочисленные злоупотребления и коррупционные практики местных властей (см.: Пугачевщина. М.–Л., 1929. Т. II. С. 3–40; см. также: Димитриев В.Д. Указ. соч. С. 386–389). Сведения о злоупотреблениях казанской губернской администрации были подтверждены кн. А.А. Вяземским, который в конце 1762 г. был отправлен на Урал усмирить и расследовать волнения приписных крестьян. 3 марта 1763 г. он, будучи на Воткинском заводе, писал Екатерине II: «Умолчать не могу, что мздоимство во всех так усилилось, что, сколько я слышать мог, нет ни одного судебного по Казанской губ[ернии] места, в котором бы оно не имело участия только с той разностью, что одно больше другого, даже до того, что и находящиеся при подушном сборе птаб и обер-офицеры, тако ж и прочие чины, получая в.и.в. жалованье, мздоимство не оставляют» (Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии: Сб. документов и материалов. Ижевск, 1974. С. 47).

³⁴ Д.В. Волков пишет о Морской и Воинской комиссиях, учрежденных Петром III 16 февраля и 6 марта 1762 г. соответственно (см.: Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке (Очерки). М., 1958. С. 303–304; Морская комиссия Петра III / подг. к публикации и комментарий: К.Л. Козюренко // Гангут. Вып. 17. СПб., 1998; Козюренко К.Л. Император Петр III и его флагманы // Забытый император: материалы науч. конф. «Ораниенбаумские чтения». СПб., 2002).

³⁵ В 1718 г. указом Петра I «к рубке, к теске и к вывозке корабельных лесов и для других к тому принадлежащих работ» в Поволжье были приписаны служилые мурзы, татары, чуваша и мордва. В 1728 г. в Казанской, Нижегородской и Воронежской губерниях число приписных к корабельным лесам составляло 56113, а в 1747 г. – 66065 душ мужского пола. Приписные были подчинены Казанской лесной конторе, переименованной вскоре в Адмиралтейскую. По данным третьей ревизии (1762–1764 гг.) под ведомством Казанской адмиралтейской конторы «для вырубки и возки корабельных лесов» числилось приписанных 76597 чел. мужского пола, из них в Казанской губернии – 65951 (см.: Клеянкин А.В. Лашманы // Вопросы истории. 1978. № 6. С. 210–211; Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века (до крестьянской войны 1773–1775 годов). Чебоксары, 1959. С. 186; Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. II. СПб., 1901. С. 585). Как отмечал В.И. Семевский, «в 1764 г. А.И. Бибиков, посланный для усмирения приписных к горным заводам крестьян, писал императрице Екатерине II из Казани: "на находящееся здесь адмиралтейское правление ... слышу великия от приписных к адмиралтейству служилых татар жалобы: в нарядах на работы и в высылках из деревень не только порядочнаго расположения нет, но и великия взятки берутся, и потому богатые от работ увольняются, а скудные, не имея что дать, безпрестанно работать должны, и потому первые от подарков, а последние от всегдашних работ пришли в изнеможение"» (Семевский В.И. Указ. соч. С. 586).

³⁶ Д.В. Волков пишет о волнениях государственных крестьян, оказавшихся приписанными в 50-е гг. XVIII в. к частным заводам. Как отмечал еще В.И. Семевский, «очень

неблагоприятно отразилось на судьбах приписных крестьян то обстоятельство, что в царствование императрицы Елизаветы в 1750-х годах, множество казенных заводов были проданы за ничтожную цену разным вельможам: гр. П.И. Шувалову, гр. И.Г. Чернышеву, С. Ягужинскому, гр. М.Л. Воронцову, брату его Р.Л. Воронцову, а также секунд-майору Гурьеву и Турчанинову. ...Положение крестьян чрезвычайно ухудшилось; правда, и во время казенного правления было много злоупотреблений, но с тех пор, как заводы перешли в руки частных владельцев, жизнь приписных рабочих стала совершенно невыносимой» (Семевский В.И. Указ. соч. С. 322). Пик этих волнений пришелся на 1760–1764 гг. Заводы графа Андрея Петровича – это Камские заводы (Воткинский и Ижевский), основанные гр. П.И. Шуваловым и доставшиеся после смерти последнего в 1762 г. по наследству его сыну гр. А.П. Шувалову. Волнения приписанных к Камским заводам крестьян в 1761–1762 гг. были подавлены с помощью регулярной армии. Подполковник П. Левашов, руководивший усмирением, сообщал в октябре 1761 г., что во время «с противящимися крестьянами сражение побито из крестьян 16, ранено – 5, поймано – до 40 человек». Как отмечал А.С. Орлов, «команда подполковника Левашева», которая после подавления волнений была расквартирована в усмирённых селах, «стояла там с осени 1761 до лета 1762 г. Крестьянам приходилось не только кормить солдат и лошадей, но и делать всевозможные подарки офицерам и солдатам. Безобразия чинились невероятные. Было чуть ли не поголовно изнасиловано женское население. Расстрелы, насилия, грабежи – так не всегда вела себя армия даже в неприятельской стране» (Орлов А.С. Волнения на Урале в середине XVIII в. (К вопросу о формировании пролетариата в России). М., 1979. С. 83).

³⁷ Указом Петра I от 4 апреля 1722 г. предписывалось «для осмотра всяких дел в губерниях и провинциях, чтоб во всяких делах была правда, посылать на каждой год из сенатских членов по одному да при нем из каждой Коллегии по одному ж человеку» (Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. Т. I: Акты о высших государственных установлениях. М.–Л., 1945. С. 101). При приемниках Петра I эта норма фактически не работала. Как вспоминал в своих мемуарах кн. Я.П. Шаховской, в 1763 г. после его рассказа о таком петровском предписании Екатерина II, «сие учреждение похваляя, соизволила объявить свое благоволение, чтоб и отныне впредь наподобие сего учредить» (Шаховской Я.П. Записки // Империя после Петра. 1725–1765. М., 1998. С. 169; История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911. Т. II. СПб., 1911. С. 594–599). Вполне возможно, что предложения Д.В. Волкова также сыграли свою роль в попытке восстановления Екатериной II сенаторских ревизий.

³⁸ Можно предположить, что Д.В. Волков пишет об именном указе от 13 июня 1763 г. о назначении его оренбургским губернатором. Этим указом Екатериной II Д.В. Волкову разрешалось «не токмо к Нам от себя самого всякие представления делать и присылать проекты к учреждению коммерции и к приласканию тамошних народов иноверных, но и ... введенныя злоупотребления к отвращению того и другого, яко губернатору, ... искоренять и против оных брать такие меры, какия он сам за благо рассудит, и о том, прежде исполнения, Нам самим и в сенат Напш доносить немедленно» (Сенатский архив. Т. XII. СПб., 1907. С. 488).